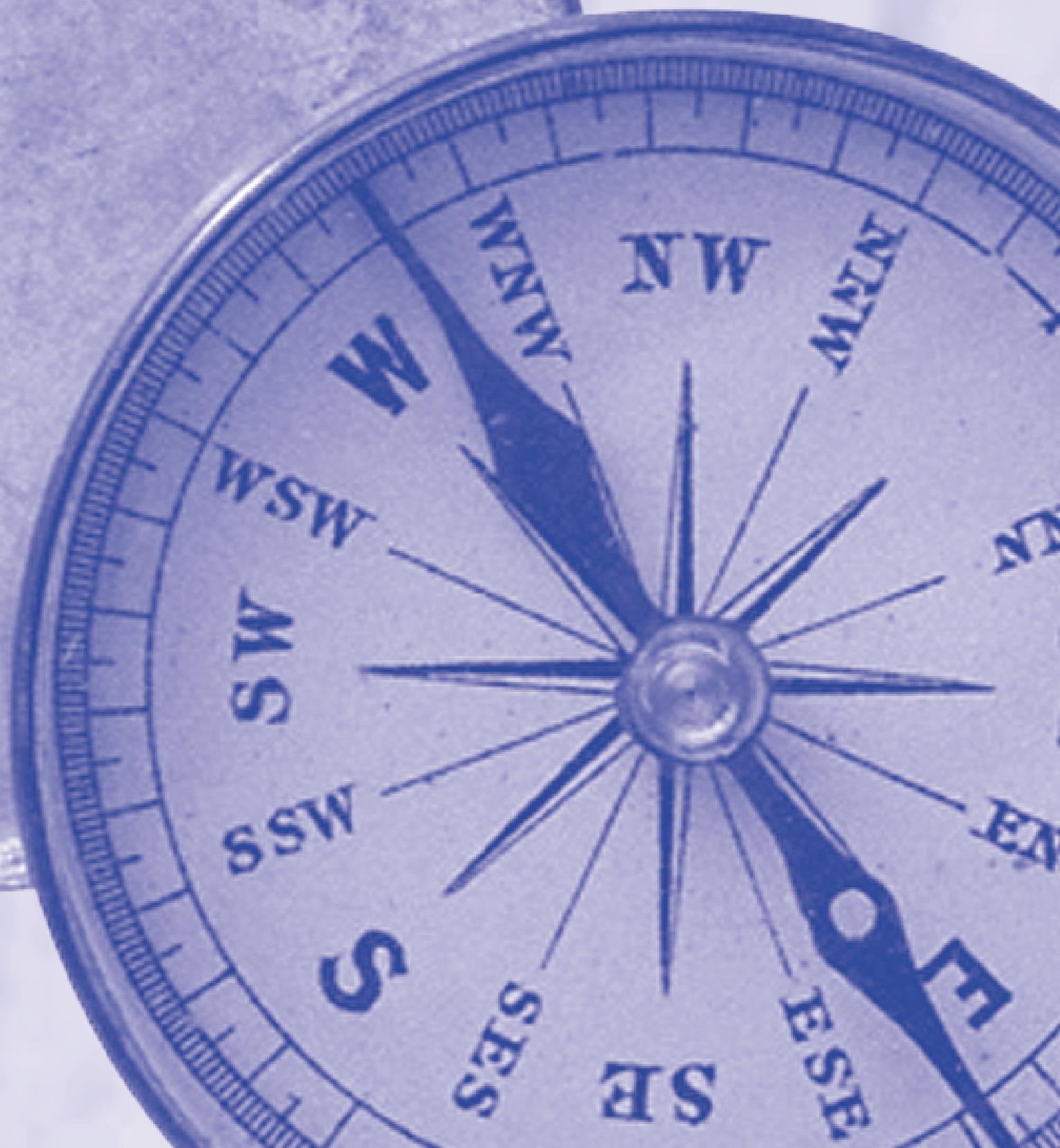

ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

«Пакс Экономикана»: НОВОЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ МИРОУСТРОЙСТВО

А. Неклесса

Мир на гребне истории, или глобализация—2

1.

Новое мироустройство XXI века, новая механика мира рождаются на наших глазах. Привычная паутина международных связей, роль и вес регионов, контуры элитных группировок — все это изменяется, пребывая в движении. Всемирный концерт стран и народов, ансамбль, основанный на межгосударственных отношениях и кодифицированный международным правом, фальшивит и идет вразнобой, находясь в явной растерянности и замешательстве. *Zeitgeist*, «дух времени», мало-помалу переходит к новому классу международных систем, к динамичным и изменчивым субъектам мирового хозяйства, чьи подвижные очертания, проходя в иной плоскости, не совпадают с государственными границами, да и взаимоотношения не определяются и тем паче не исчерпываются дипломатией на правительственном уровне.

Глобальная экономика — это свершившаяся мировая революция нашего века, и она же становится повсеместно правящей системой.

Реально утверждающийся на планете порядок все отчетливее проявляет себя как порядок экономический — *Pax Economiana*. Глобальная экономика — это свершившаяся мировая революция нашего века, и она же становится повсеместно правящей системой. Подобное коренное изменение можно описать достаточно внятной формулой: если раньше мировая экономика была ареной, на которой действовали суверенные государства, то теперь она — достаточно автономный персонаж, оперирующий на поле национальных государств. Однако появление уникального глобального субъекта не привело к одновременному удалению с поля прежних игроков. Возникла эклектичная реальность, более сложная и даже иной раз парадоксальная в своих проявлениях, сочетающая яркие и характерные черты обеих систем. При этом, естественно, происходит

кардинальный сдвиг и в механизме стратегических комбинаций, и в привычных способах проекции власти.

Экономика меняет внутреннее содержание, ей тесно в рамках прежних смысловых конструкций. Она начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом: как политика и даже идеология наступающей эпохи, становясь, по сути, новой властной системой координат... В результате привычные геополитические императивы почтительно уступают место реалиям геоэкономическим.

Силовые маневры эпохи уже не связаны ни с завоеванием территорий, ни даже с прямым подчинением экономического пространства противника. Они, скорее, нацелены на навязывание окружению своей политической воли и видения будущего, на установление и поддержание желаемой топологии мирохозяйственных связей, на достижение стратегических горизонтов, определяемых геоэкономической конкуренцией, на упрочение либо подрыв той или иной системы социально-экономических ориентаций... Столкновение стилей и форм хозяйствования, соперничество основных центров мирового развития, социальные и финансовые коллизии, непростые взаимоотношения между региональными сообществами — все эти драматичные игры нашего времени сводят использование военной силы более к угрозам ее применения и рамочной демонстрации возможностей, нежели к полномасштабной реализации боевой мощи. Но параллельно в мире разворачиваются другие нештучные, хотя зачастую и не столь бросающиеся в глаза, геоэкономические битвы, в ходе которых на планете складывается новая реальность, другое мироустройство.

Что же такое нынешний глобальный мир, формирующееся транснациональное сообщество, глобальная экономика? Ответы на эти вопросы далеко не столь просты, каковыми они кажутся на первый

взгляд. Распространенные толкования и трактовки глобализации подчас являются своего рода *fables convenues*. Ни транснациональное сообщество, ни глобальная экономика не есть некое универсальное предприятие всего объединенного человечества. В мире сейчас возникает, судя по всему, нечто существенно иное, чем просто единый хозяйственный организм планеты.

2.

В рассуждениях на тему глобализации вообще и глобальной экономики в частности присутствует немало расхожих штампов и мифов, которые не вполне подтверждаются статистикой уходящего века, а иной раз прямо противоречат ей. Например, что касается якобы последовательного роста внешнеторгового оборота по отношению к производству или доли вывоза капитала в ВВП либо движения трудовых ресурсов в течение XX века. На самом же деле процессы и глобализации, и диссоциации носят отнюдь не линейный характер, косвенно свидетельствуя о реальной сложности мира и неоднозначности процессов, в нем происходящих.

Социальная организация эпохи Нового времени, судя по всему, достигла своей вершины, глобализации — хотя это определение и не получило в те годы распространения, — где-то около первой мировой войны (к тому моменту планету поделили также границы колониальных транснациональных империй, в которых «никогда не заходило солнце»). Затем — на протяжении всего «последнего» столетия — человечество было ввергнуто в пучину конкурирующих версий нового мироустройства: российской, германской, американской. И, заодно, — яростного состязания мировых идеологий, пришедших на смену мировой религии.

Удельный же вес внешнеторгового оборота и доля вывоза капитала, о которых упоминалось выше, также достигли своего пика непосредственно перед первой мировой войной. Затем динамика этих показателей шла по синусоиде, дважды снижаясь после мировых войн, вновь достигнув прежнего высокого уровня в целом (в отношении пропорций внешнеторгового оборота, но не в случае доли вывоза капитала или движения рабочей силы) лишь где-то в середине текущего десятилетия, когда и тема глобализации, кажется, обрела второе дыхание. Однако начало и конец нынешнего столетия — более чем различные вселенные. Нынешняя глобализация — это уже совсем иная историческая модель: вместо гаснущей идеи универсальной христианской цивилизации — проект глобального (планетарного) присутствия локальных центров силы, их выраженное намерение управлять развитием всего мира.

Интернационализация производственных и торговых трансакций сейчас в значительной мере связана с особым феноменом — миром ТНК и операциями, осуществляемыми между их филиалами. На сегодняшний день число подобных корпораций превысило 53 тысячи, численность их дочерних филиалов — 450 тысяч. Появляется и новый класс ТНК — мультикультурные, глобальные. Параллельно, в среде национальных экономик, происходит сложный и многогранный процесс образования социально-экономических коалиций и союзов, внутри которых и нарастают процессы интернационализации. (Тут вновь невольно вспоминается вышеупомянутое былое разграничение карты мира пунктирами колониальных империй, а затем — военно-политических блоков.) Характерно, что внутри подобных «больших пространств» складывается и свой особый стиль экономической деятельности, что находит подтверждение в экономической статистике (например, относительное значение капитала, труда или того или иного вида ренты в создании конечного продукта).

За последние десятилетия соотношение уровней доходов богатых и бедных не только не сократилось, но заметно увеличилось.

Так что реально протекающий сейчас процесс обустройства планеты, похоже, с не меньшими основаниями можно определить и как «новый регионализм» — или «новый региональный порядок», — то есть формирование макрорегиональных геоэкономических пространств на фоне фактического социально-экономического расслоения мира.

Действительно, статистические данные о «сближении народов планеты» в этих — социально-экономических — категориях просто убийственны. За последние десятилетия соотношение уровней доходов богатых и бедных, «золотого» и нищего миллиардов планеты не только не сократилось, но заметно увеличилось: с 13:1 в 1960 году до 60:1 в 1998 году. А ведь по сравнению с серединой столетия совокупный объем потребления, судя по тем же оценкам ООН, вырос приблизительно в 6 раз. Однако 86% его приходится сейчас на 1/5 часть населения, на остальные же 4/5 — оставшиеся 14%. Но и в этих цифрах отражена не вся истина. Доля мирового дохода, находящаяся в распоряжении беднейшей части человечества — а в настоящее время примерно 1,3 млрд. людей живут в условиях абсолютной нищеты, — еще на порядок ниже, составляя лишь около 1,5%. Таким образом, в мире помимо североатлантической витрины цивилизации сопresentствует ее гораздо менее заметный темный двойник: «четвертый», зазеркальный мир, населенный голодным миллиардом.

На планете, судя по всему, происходит не столько социально-экономическая конвергенция (коррелятом которой могло бы служить политическое и социальное единение глобального сообщества, что также находится под вопросом), сколько нарастание проницаемости национальных государств, снижение уровня суверенности, унификация определенных правил игры, повсеместная информатизация, обеспечение прозрачности мирового экономического пространства. И венчает этот процесс наиболее впечатляющее проявление нынешней глобализации, ее главный образ и символ — мировая коммуникационная сеть.

Проявление нынешней глобализации, ее главный образ и символ — мировая коммуникационная сеть.

В целом же развитие механизмов стратегического планирования и контроля над ситуацией на планете — эффективно обоснованное глобальными вызовами и угрозами, вставшими перед цивилизацией во второй половине XX века, — сформировало, в конце концов, изощренную систему глобального хозяйственного управления (высоких геоэкономических технологий): во-первых, ресурсами планеты, но также и всей экономической деятельностью на ней, распределением и перераспределением совокупного мирового дохода и т.п. Понятно, что цели и методы подобной структуры не могут ограничиваться лишь хозяйственной сферой.¹

И еще одно более чем актуальное пространство, где «никогда не заходит солнце», сложилось к концу столетия. Это — глобальный финансовый рынок, темпы роста которого в несколько раз превышают скорость увеличения мировой торговли и дивергенции производства (чи нужды международные финансовые трансакции вроде бы призваны обслуживать).² Пространство, где интенсивно развиваются собственные высокие технологии, разработке которых человеческий гений, кажется, отдает в последние десятилетия гораздо больше умов, усилий и энергии, нежели другим видам интеллектуального творчества.

Все это вместе взятое очерчивает контур принципиально новой по отношению к началу века мировой ситуации, знаменуя наступление какой-то другой глобализации, имеющей иной генезис и перспективы. Нам же, чтобы лучше понять происходящее, следует пристальнее взглянуться в ту мировоззренческую революцию, свидетелями и участниками которой мы являемся.

3.

Рождающееся у нас на глазах экономистическое мироустройство зиждется на глубинных тенденциях глобального развития, на происходящей революции в сфере целеполагания и общественного сознания. В сумбурной, на первый взгляд, реальности наших дней можно выделить три основных конкурирующих версии развития человеческого универсума, три крупноформатных проекта обустройства планеты.

Основной социальный замысел, развивавшийся на протяжении последних двух тысяч лет и фактически предопределивший современное мироустройство, — проект Большого Модерна (т.е. нового общества, модерна по отношению к предшествующему миру традиционных культур) — был органично связан с христианской культурой. Отринув полифонию и неизменные ранжиры традиционного мира, утвердив человеческую личность и родив заново феномен истории — на этот раз как пространства поступательного развития, реализации человеческой свободы и зримого проявления осевого времени, — он заложил основы западной, или североатлантической, цивилизации, доминирующей ныне на планете.

Ее историческая цель (или, по крайней мере, цель ее последнего этапа — эпохи Нового времени) — построение универсального сообщества, основанного на постулатах свободы личности, демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения «священного принципа» частной собственности и рыночной модели индустриальной экономики. Его логическая вершина — вселенское содружество национальных организмов, их объединение в рамках гомогенной социальной конструкции: глобального гражданского общества, находящегося под эгидой коллективного межгосударственного центра. Подобный ареопаг, постепенно перенимая функции национальных правительств, преобразовывал бы их в дальнейшем в своего рода региональные администрации...

Рождающееся экономистическое мироустройство зиждется на глубинных тенденциях глобального развития, на происходящей революции в сфере целеполагания и общественного сознания.

Частично реализуясь, грандиозный замысел сталкивается, однако, со все более неразрешимыми трудностями (прежде всего, из-за фундаментальной культурной неоднородности мира, резкого экономического неравенства на планете) и, кажется, достиг каких-то качественных пределов, претерпевая

одновременно глубокую трансформацию. Так, система демократического управления обществом, распространяясь по планете, не только в ряде регионов существенно видоизменяет свой облик, но и заметно модифицирует внутреннее содержание.³

История XX века — это также последовательный ряд событий, разводящих модернизацию мира и экспансию христианской культуры, лежащую в ее основе, усиливая их взаимное отчуждение. Христианская цивилизация, становясь глобальной, вмещала и объединяла все более многочисленные, разнообразные культурные и религиозные меньшинства. В то же время она испытывала растущие неудобства при декларировании собственной исключительности, и даже просто подтверждая свою идентичность. В сущности, сколь странным это ни покажется, христианское общество, затрудняясь поддерживать должный баланс между обществом духовным и гражданским, целями метафизическими и политическими, подверглось более чем парадоксальной культурной агрессии именно вследствие своего доминирующего положения.

В ходе нарастающей прагматизации общественного сознания происходит перерождение долговременной тенденции секуляризации западного общества в фактическую дехристианизацию его социальной ткани, влекущую коррозию и распад основ двухтысячелетней цивилизации. Кроме того, становится все более очевидным расхождение основополагающих для западного социума векторов политической демократизации и экономической либерализации, особенно заметное на глобальных просторах. Модернизация явно утрачивает ранее присущую ей симфонию культуры и цивилизации.

4. Феномен Модерна, уже претерпев серьезную трансформацию внутри североатлантического ареала, был по-своему воспринят и переплавлен в недрах неотрадиционных обществ, в ряде случаев полностью отринувших его культурные корни и исторические замыслы, но при этом вполне воспринявших внешнюю оболочку современности, ее поступательный цивилизационный импульс, явив миру собственную версию социального Постмодерна.

Духовный кризис современной цивилизации привел к расщеплению процессов модернизации и вестернизации, модернизации и евангелизации на обширных пространствах Третьего мира. В результате во второй половине XX века традиционная периферия европоцентричного универсума породила ответную цивилизационную волну, реализовав повторную встречу, а затем и синтез поднимающегося из вод истории Нового Востока с секулярным Западом, утрачивающим свой привычный культурный горизонт.

Роли основных персонажей исторической драмы словно перевернулись: теперь, кажется, Запад защищает сословность, а жернова Востока распространяют гомогенность. Культура христианской Ойкумены, все более смещаясь в сторону вполне земных, материальных, человеческих ценностей, столкнулась с рационализмом и практичностью неотрадиционного общества, успешно оседлавшего к этому времени блуждающую по миру волну утилитарности и прагматизма. Первые плоды постмодернистской глобализации имеют странный синтетический привкус, а порожденные ею конструкции, являясь универсальной инфраструктурой, подчас напоминают мегаломаническую ирригационную систему, чьи каналы обеспечивают растекание по планете уплощенной информации и суррогата новой массовой культуры. В результате распространение идеалов свободы и демократии нередко подменяется экспансией энтропийных, понижающихся стандартов в различных сферах жизни, затрагивая при этом не только культурные, но и социально-экономические реалии. Такие, например, как предпринимательская этика, общее качество жизни, разнообразные формы новой бедности и т.п.

Рожденная на финише второго тысячелетия неравновесная, синкретичная и в значительной мере космополитичная конструкция глобального Pax Economicum есть, таким образом, продукт постмодернизационных усилий и совместного творчества всех актуальных персонажей современного мира. Культурно-исторический геном эпохи социального Постмодерна утверждает сейчас на планете собственный исторический ландшафт, политико-правовые и социально-экономические реалии которого заметно отличны от аналогичных институтов общества Модерна.⁴ Постмодернизационный синтез (объединяющий на новой основе мировой Север с мировым Югом) выводит прежние «большие смыслы» — в виде ли развернутых политических или идеологических конструкций — за пределы актуального исторического контекста. Несостоявшиеся универсализация и социальное единение планеты на практике замещаются ее хозяйственной унификацией. А место мирового правительства, действующего на основе принципа объединения наций, фактически занимает безликая (или просто анонимная) экономическая власть. Сегодня в лоне мирового сообщества фактически происходит вызревание безбрежного наднационального неэкономического континуума, объединяющего на основе универсального языка прагматики светские и посттрадиционные культуры различных регионов планеты.

5. Наконец, все более заметны признаки демодернизации отдельных частей человеческого сообщества, пробуждения комплексных процессов соци-

альной и культурной инверсии, ставящих под сомнение сам принцип нового мирового порядка, формируя своеобразную «обратную» историческую перспективу постглобализма — подвижный и зыбкий контур новой мировой анархии. Так, мы наблюдаем разнообразные, хотя и не всегда внятные признаки социальной деконструкции и культурной энтропии в рамках мирового Севера. Под внешне цивилизованной оболочкой здесь в ряде случаев утверждаются паразитарные механизмы, противоречащие самому духу эпохи Нового времени, рождая соответствующие масштабные стратегии и технологии, например в валютно-финансовой сфере.

Параллельно механизмы цивилизационной коррупции — в сущности, той же природы — шаг за шагом разъедают упорядоченный социальный контекст в кризисных районах как посткоммунистического мира, так и мирового Юга. В результате на планете возникает непростой феномен Глубокого Юга, объединяющий в единое целое и трансрегиональную неокриминальную индустрию, и «трофейную экономику» новых независимых государств, и тревожные признаки прямого очагового распада цивилизации (ярким примером чему могут служить Афганистан, Чечня, Таджикистан, некоторые африканские территории, разнообразные «золотые земли» и т.д.).

Процессы демодернизации — это также второе дыхание духовных традиций и течений, отодвинутых в свое время в тень ценностями и устремлениями общества Модерна. Взглядов и воззрений, иной раз прямо антагонистичных по отношению к культурным основам, постулатам, нор-

мам Нового времени. Но выходящих сейчас на поверхность то в виде разнообразных неоязыческих концептов, плотно насытивших культурное пространство западного мира, то как феномен нового возрождения архаики или прорыва откровенно политизированного «новояза» предельно упрощенных, якобы «фундаменталистских» моделей (а равно и соответствующих политических инициатив) на обширных просторах бывшей мировой периферии.

Демодернизация не является сейчас магистральным направлением социального развития, но она, пожалуй, уже и не просто аморфная сумма разрозненных явлений преимущественно маргинального характера. Скорее всего, это многозначительная комплементарная тенденция формирующегося универсума. В данной тенденции, однако, чувствуется энергичный импульс, прослеживается нарастающая вероятность принудительного наступления некоего момента истины цивилизации, ее критического пикового переживания (особенно в случае масштабных социальных, финансово-экономических или экологических потрясений). И, не исключено, — поворота истории — утверждения на планете какой-то самостоятельной неархаичной культуры, уже сейчас подобно метастазам в тех или иных полускрытых формах пронизывающей плоть современного общества, фактически лишенного собственной значимой социальной перспективы.

Столкновение всех этих могучих волн порождает в итоге единый синтетический коллаж Нового мира.

Геоэкономика: новый региональный порядок

Над прежней национально-государственной схемой членения человеческого универсума все более отчетливо нависает внешняя оболочка «нового регионализма» и групповых коалиций.

1.

Переплавленное в тигле интенсивного взаимодействия стран и народов новое мироустройство постепенно замещает прежнюю национально-государственную модель Ойкумены более сложным, полифоничным сочетанием геоэкономических регионов. В рамках глобальной, но все же не универсальной экономики прорываются контуры ее специализированных сегментов: самобытных «больших пространств», внутренняя мозаика которых объединена культурно-историческими кодами, общим

стилем хозяйственной практики, социально-экономическими интересами и стратегическими замыслами.⁵

Эти миры-экономики подчас разрывают географические рамки, объединяя ведущих игроков той или иной лиги, невзирая на их гражданство и национальное происхождение. В результате над прежней национально-государственной схемой членения человеческого универсума все более отчетливо нависает внешняя оболочка «нового регионализма» и групповых коалиций. Или, иначе говоря, — каркас геоэкономических рубежей Нового мира.

Властная система координат сопрягает формирующиеся региональные центры силы с ведущими персонажами прежней национально-государственной системы, чьи реальные границы

в экономистичном универсуме уже сейчас отличаются от привычно четких административно-государственных разграничительных линий, плавно трансформируясь в ползучий суверенитет множатся по миру зон национальных интересов и региональной безопасности. В подобной конструкции переходного, дуалистичного мироустройства сопрягаются, таким образом, два разных поколения властных субъектов: старые персонажи исторической драмы — национальные государства — и разнообразные сообщества-интегрин. Одновременно происходит кристаллизация властных осей Нового мира, контур которых представлен разнообразными советами, комиссиями и клубами глобальных НПО (неправительственных организаций).

При этом сама система взаимоотношений внутри нарождающегося Pax Economicana заметно отличается от принципов организации международных систем уходящего в прошлое мира Нового времени (национально-государственный суверенитет, политическое равноправие, единые для всех законы международного права). Так, например, ключевой вид деятельности, финансово-правовое регулирование, то есть реальный механизм «глобального планирования и долгосрочного перераспределения ресурсов», — отнюдь не «открытое акционерное общество» и не «организация объединенных наций», включающая все страны и народы планеты. Напротив, это подчеркнута обособленная, элитарная отрасль хозяйствования, доминирующий слой глобальной экономики, представляющий ее практически автономный верхний этаж.

С реалиями данного космоса в наибольшей степени связаны, конечно же, Соединенные Штаты, однако и тут существуют достаточно серьезные противоречия. Расширяющийся интернациональный космос (естественная вотчина НПО и ТНК, но, прежде всего, — мир банковских и финансовых сетей) постепенно обретает все большую свободу во все менее поддающейся регулированию среде. И хотя этот метарегион все еще имеет определенную географическую привязку, системный центр, однако по самой своей специфике, сути, характеру деятельности он — транснационален. Проявляя собственное историческое целеполагание, виртуальный континент оперирует смыслами, способными вступить в конфликт с целями и ценностями всех земных регионов, включая материнский — североатлантический.

Новый полюс мира стремится охватить своей сетью координат все прочие геоэкономические пространства и континенты, взять их под властный контроль, искусно объединив в единую иерархичную и хорошо управляемую конструкцию.

2.

Конец XX столетия — окончание периода биполярной определенности и ясности глобальной игры на шахматной доске ялтинско-хельсинского «позолоченного мира». Однако в результате громких и широко известных событий не только оказалась сломанной привычная ось Запад-Восток, но становится достоянием прошлого также обманчивая простота конструкции Север-Юг. Правда, можно сказать еще точнее: оси эти не сломались, а — расщепились.

Модель нового мироустройства носит, по сути, гексагональный, шестигранный, характер (и в этом смысле она многополярна). В ее состав входят (конечно, отнюдь не на равных — и в этом смысле она однополярна) такие регионы, как североатлантический, тихоокеанский, евразийский и «южный», расположенный преимущественно в районе индоокеанской дуги. А также два транснациональных пространства, далеко выходящих за рамки привычной географической картографии.

Раскалывается на разнородные части знакомый нам Север. Его особенностью, основным нервом становится штабная экономика Нового Севера. С той или иной мерой эффективности она сейчас определяет действующие на планете правила игры, регулирует контекст экономических операций, взимая, таким образом, с мировой экономики весьма специфическую ренту.

Теснейшим образом связана с транснациональным континентом и спекулятивная, фантомная постэкономика квази-Севера, извлекающая прибыль из неравновесности мировой среды, но в ней же обретающая странную, турбулентную устойчивость. Привычные формы капитала в этих пространствах закладываются, уничтожаются и преумножаются.

Не менее яркой характеристикой северного ареала является впечатляющий результат интенсивной индустриализации эпохи Нового и Новейших времен — то есть геоэкономический Запад. Здесь создано особое национальное богатство: развитая социальная, административная и промышленная инфраструктура, обеспечивающая создание сложных, наукоемких, оригинальных изделий и образцов (своего рода «высокотехнологичных Версаче»), значительная часть которых затем тиражируется — отчасти в процессе экспорта капитала — в других регионах планеты.

Географически данные пространства пока еще во многом «сшиты», однако их стратегическое целеполагание и исторические замыслы уже заметно разнятся, а кое в чем и противоречат друг другу. Тут скрыта подоплека многих непростых и актуальных сюжетов. Интересен, например, внутренний, гео-

экономический смысл продвижения НАТО на Восток, дающий шанс высокотехнологичной промышленности Запада, испытывающей в настоящее время серьезные затруднения, обрести второе дыхание, обеспечив себя «фронтом работы» порядка 100-120 млрд. долларов.

И, наконец, новой геостратегической реальностью стал находящийся в переходном, хаотизированном состоянии постсоветский мир, похоронив под обломками плановой экономики некогда могучий полюс власти — прежний Восток. Как ни обозначай «сухопутный океан» Евразии: Российская империя или СССР, СНГ или новые независимые государства, — это, безусловно, своеобразная мир-экономика, во многом еще непознанная terra incognita. Ее полифоничный организм, придя в хаотичное состояние на рубеже тысячелетий, пребывает сейчас в мучительных схватках и, не исключено, — готовит себя к встрече миру в наступающем веке идущий из глубины экономических разломов и социальных потрясений некий доселе неведомый «российский проект».

Модель нового мироустройства носит, по сути, гексагональный, шестигранный, характер (и в этом смысле она многополярна).

Очевидно, утратил единство также мировой Юг, бывший Третий мир, представленный в современной картографии несколькими автономными пространствами. Так, массовое производство как системообразующий фактор (в геоэкономическом смысле) постепенно перемещается из североатлантического региона в азиатско-тихоокеанский. Здесь, на необъятных просторах Большого тихоокеанского кольца — включающего и такой нетрадиционный компонент, как ось Индостан-Латинская Америка, — формируется второе промышленное пространство планеты — Новый Восток, в каком-то смысле пришедший на смену коммунистической цивилизации, заполняя образовавшийся с ее распадом биполярный вакуум.

Добыча сырьевых ресурсов — это по-прежнему специфика стран Юга (во многом мусульманских или со значительной частью мусульманского населения), расположенных преимущественно в тропиках и субтропиках — большей частью в районе Индоокеанской дуги. Будучи кровно заинтересованы в пересмотре существующей системы распределения природной ренты, члены этого геоэкономического макрорегиона терпеливо ожидают своего часа пик, медленно, очень медленно, но все же приближающегося по мере исчерпания существующих запасов природных ресурсов. Либо — внезапного, скачкообразного развития иной, благоприятной для про-

изводителей сырья, стратегической ситуации или инициативы.

В долговременной перспективе Юг стремится также к установлению нового экологического порядка, солидаризируясь с государствами планеты, хотя и лишенными крупных запасов природных ископаемых, однако обладающими мощным биосферным потенциалом.

Одновременно на задворках цивилизации формируется еще один, весьма непростой персонаж — архипелаг территорий, пораженных вирусом социального хаоса, постепенно превращающийся в самостоятельный стратегический пояс Нового мира — Глубокий Юг. Это как бы «опрокинутый» транснациональный мир, чье бытие определено теневой глобализацией асоциальных и прямо криминальных тенденций различной этиологии. Тут можно было бы перечислить многое. Но, пожалуй, достаточно упомянуть всего два факта, чтобы отнестись к проблеме серьезно: беспрецедентное разграбление в рамках «трофейной экономики» постсоветского пространства и сумму оценки специалистами ежегодного оборота наркокартелей в 300-500 млрд. долларов.

При этом Глубокий Юг в своих откровенно асоциальных проявлениях фактически смыкается с финансовой эквилибристикой квази-Севера, вкупе с ним образуя единое эклектичное пространство, существующее за счет весьма своеобразной цивилизационной ренты — планомерного расхищения национального богатства, созданного трудом многих поколений людей. В результате оптимистичные схемы пост-индустриального сообщества выглядят весьма поблекшими. А в ряде случаев они уступают место неприглядной реальности цивилизационного регресса и де-индустриализации, «сужающегося воспроизводства» — этого грозного симптома надвигающегося на планету глобального кризиса. На земном шаре можно насчитать примерно три десятка территорий, где утверждается повседневность перманентных конфликтов и отчаяния, происходит распад политических, экономических и правовых институтов, разрушается сама основа стабильной организации общества.⁶

Современная экономика, равно как и политическое мироустройство, переживает сейчас глубокую внутреннюю мутацию. Под прежним названием, «ярлык» формируется некий новый феномен, политэкономия XXI века, квинтэссенцией которой становится инволюционный путь от капитала к ренте, от классического индустриального хозяйства Нового и Новейшего времени к изоциренному механизму извлечения сверхприбыли в виде разнообразных геоэкономических рентных платежей.

Мировая экономика, сливаясь с современным мироустройством, становясь, по сути, его основой, постепенно начинает напоминать известный многоярусный «китайский шар», внешняя оболочка которого — транснациональный метарегион, существующий за счет организации глобального рынка (наподобие государственного), взимающий с мирового хозяйства своего рода скрытый налог, дань, определяющий правила игры, форсированно развивающий одни отрасли и «гасящий» другие. Наконец, активно внедряющий виртуальные схемы неэкономической практики, извлекая прибыль из утонченных форм кредита и управления рисками (то есть умело манипулирующий категориями времени и вероятности).

Словно знаменитая лента Мёбиуса, эта внешняя оболочка плавно переходит в собственную трансрегиональную «изнанку», получающую свою «черную» ренту на путях прямого присвоения и проедания ресурсов цивилизации. Внутри же шара в той или иной последовательности располагаются другие геоэкономические миры-пространства: специализирующиеся на перераспределении горной или биосферной ренты, на ренте инновационной и технологической в ее различных модификациях.

3. На планете фактически идет интенсивное состязание различных по духу и смыслу геоэкономических концептов.

Эти рождающиеся из пены и крови XX века миры — субъекты нового геоэкономического мироустройства.⁷ Быть персонажем в глобальной игре, осмысленно участвовать в ней значит хорошо представлять себе интересы того или иного экономического полюса мира, стремящегося с максимальной эффективностью реализовать свою фундаментальную специфику. Но, оставив за рамками рассмотрения гипотетические цели слабых на сегодняшний день игроков (как, например, стремление Юга добиться установления нового международного экономического и экологического порядка), бросим беглый взгляд на пестрый спектр реально работающих стратегических инициатив. На планете фактически идет интенсивное состязание различных по духу и смыслу геоэкономических концептов:

- нового мирового порядка — организующего сложную систему планомерного распределения и перераспределения жизненно важных ресурсов планеты, видов экономической деятельности и совокупного мирового дохода;
- неконтролируемого развития («невидимая рука рынка»), перерастающего в неолиберальную ме-

тафизику, связанную с сетевым характером кредитно-денежных трансакций, призрачными табунами «горячих денег» и субъективными интересами финансовых операторов во все более стохастичном, спонтанном, сверхоткрытом мире виртуальной реальности;

- паллиативной структурной перестройки, то есть адаптации различных сегментов мировой экономики к нуждам глобального рынка в рамках его североцентричной конфигурации (по данному пути пошла большая часть стран Африки и Латинской Америки, а также постсоветской Евразии, включая Россию);
- формирующейся концепции неосоциального устойчивого развития, сопрягающей экономическую деятельность с императивом решения ряда назревших экологических и социальных проблем, но несущей в себе также ядовитые семена «экофашизма».

Все это сосуществует с различными вариантами идеологии неопротекционизма, включая современные модификации идеи «большого пространства» в форме ли «нового регионализма» или дивелопментализма — специфической стратегии развития Восточной Азии и т.д.

Периодически возрождается к жизни (будучи одновременно связанной с интересами международного военно-промышленного комплекса) концептуалистика форсированного сверхразвития, делающего ставку на научно-технический прорыв, поддержанный бюджетными вливаниями и мощью государственной машины, а также — на творческие ресурсы цивилизации как центральный фактор современного производства.

Наконец, с повышением вероятности развития полномасштабного финансово-экономического кризиса вновь начинают обсуждаться разнообразные концепты *активного регулирования, рыночного хозяйства, автаркии и мобилизационных схем управления.*

Однако дальняя граница и высший предел стратегической мысли — это все же организация самого нового контекста — магистральное направление социального планирования, призванное обеспечить оптимальную преадаптацию к творимой реальности Нового мира.

Собственные цели преследует и темный двойник цивилизации, активно воплощающий проект демодернизации, последовательно извращая социальные и экономические механизмы, формируя благоприятную для себя среду, способную обеспечить беспрепятственную *сверхэксплуатацию природы и деконструкцию цивилизации.*

* * *

Таковы новые черты глобальной архитектуры. Она пока не является ни достаточно четкой, ни окончательно сформировавшейся, ни даже в каких-то своих частях непротиворечивой. В отличие от устойчивых границ привычной государственно-административной карты планеты, очертания геоэкономического атласа мира носят зыбкий, нефокусированный и к тому же — учитывая параллельное бытие региональных и транснациональных пространств — трехмерный характер. Территории геоэкономических регионов взаимосвязаны и взаимозависимы. В условиях перманентно идущего здесь передела мира их «земли» меняют свою принадлежность, сосуществуют, частично наплывая друг на друга, а внешние контуры — подвижны, изменчивы. Далеко не всегда явственны различия между теми или иными членами Атлантического или Тихоокеанского миров, традиционного Юга и Глубокого Юга и т.п.⁸

Не проявился окончательно и вектор развития большинства субъектов посткоммунистического мира.⁹ Мобилизационная, административная модель экономики, в целом покинув пределы данного «большого пространства», продолжает существовать на некоторых его частях и осколках, а также в латентных и неявных формах. Она же подчас стучится в дверь вместе с конструктивистскими проектами будущего обустройства планеты. Например, в случае резкого обострения тех или иных глобальных проблем, либо плавного перехода к системному, «административно-плановому» регулированию всего контекста глобальной рыночной экономики, или же, напротив, ее коллапса в результате реализации радикальных сценариев развития мирового финансово-экономического кризиса.

Рах Economisana, новое геоэкономическое мироустройство человеческого универсума, все более заставляет считаться с собой, учитывать свою специфику при стратегическом анализе и планировании ближних и дальних горизонтов развития. Соперничество внутри нового поколения международных систем и исторических проектов уже сейчас является источником коллизий, по крайней мере не менее значимых и судьбоносных, чем традиционные формы конфликтов между странами и народами планеты. В результате столкновения систем ценностей и жизненных приоритетов, планов желаемого мироустройства и схем взаимодействия геоэкономических регионов рождается Новый мир III тысячелетия. **ЭС**

Примечания

Статья основана на докладе «Пакс Экономикана: геоэкономическая система координат», прочитанном автором на международной научной конференции «Экономическая цивилизация: исторический триумф и эсхатологический кризис» (Москва, Центр общественных наук МГУ, 8-10 декабря 1998 года).

- ¹ То, что мирохозяйственный контекст базируется на определенной политической платформе, далеко не всегда очевидно просто в силу инерции и привычки к определенному порядку вещей. Однако представим на минуту, что политическая власть на планете принадлежала бы не Северу, а Югу. Естественно предположить, что в таком случае югоцентричный мир быстро бы обязал промышленно развитые страны платить экологическую ренту и переоценить значение невозполнимых природных ресурсов, произведя собственную «шокотерапию», эффект которой, по-видимому, значительно превосел бы результаты нефтяного кризиса 70-х годов. Действительно, промышленная экономика наносит биосфере Земли серьезный ущерб, но пока практически не несет ответственности за него. Кстати, примерно предположить, что подобная дополнительная нагрузка выявила бы практическую нерентабельность сложившейся на сегодняшний день формы производства, что, в свою очередь, привело бы к системным изменениям в конструкции мирового хозяйства.
- ² Вот данные, характеризующие динамику этого расщепления в США, приводимые известным критиком современной финансовой системы Линдлоном Ларушем: «За период 1956-1970 гг. из 100% годового оборота иностранной валюты ежегодно около 70% (с очень небольшими колебаниями по годам) приходилось на импорт и экспорт, то есть на финансирование и платежи по импортным и экспортным счетам. После возникновения валютной системы с плавающими курсами этот показатель стал быстро падать, так что в 1976 году из 100% годового оборота иностранной валюты в США на импортно-экспортные сделки приходилось всего 23% (вместо 70%). В 1982 году данный показатель упал с 23% до 5%. В течение восьмидесятых годов он снизился с 5% до 2%. Сегодня же он — менее половины процента» (Executive Intelligence Review, 1997, №1).
- ³ Порождая, в частности, такие химеры, как «управляемая демократия» либо откровенная симуляция парламентских форм политического устройства общества, прямо сосуществующих, иной раз, с достаточно выраженным авторитаризмом (преимущественно в странах Третьего мира, а также на постсоветском пространстве). Не менее симптоматично распространение квазидемократии «акционерных обществ», т.е. организаций (необязательно экономических), принимающих решения по принципу «один доллар — один голос». Наряду с данными формами мутации политических институтов проявляется еще один тип устойчивой и весьма перспективной аберрации современной демократии. Вместе с признанной системой выборов органов власти, параллельно ей в настоящее время активно действует многоярусная сеть подотчетных гораздо более узкому кругу лиц (нежели при представительной демократии) разнообразных неправительственных институтов и организаций. Seriously разнясь по своим возможностям и уровню влияния на социальные процессы (подчас весьма эффективного), они в совокупности формируют собственную достаточно противоречивую и не всегда простую для понимания систему контроля над обществом.

- ⁴ Подробнее о характеристике состояния современного мира как периода социального Постмодерна, т.е. окончания Нового времени или, возможно, всей эпохи Большого Модерна, см. R. Gwardini. *Ende der Neuzeit*. Leipzig, 1954; Documenti su il Nuovo Medoevo. Milano, 1973; J.-F. Lyotard. *La Condition Postmoderne*. P., 1979; idem. *The Postmodern Explained. Correspondence 1982-1985*. Minneapolis-L., 1993; H. Forster (ed). *The Antiaesthetic: Essays on Postmodern Culture*. Port Townsend, 1984; A. Heller, F. Feher. *The Postmodern Political Condition*. Cambridge, 1988; D. Harvey. *The Condition of Postmodernity. Inquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford, 1989; S. Pfohl. *Welcome to the Parasite Cafe: Postmodernity as a Social Problem*. — *Social Problems*, P., 1990, №4; B. S. Turner (ed.). *Theories of Modernity and Postmodernity*. Beverly Hills, 1990; S. Lash. *Sociology of Postmodernism*. L.-N.-Y., 1990; M. Poster. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge, 1990; A. Giddens. *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990; idem. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1996; G. Vattino. *The End of Modernity*. Oxford, 1991; F. Jameson. *Post-Modernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, 1991; T. Sakaya. *The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future*. N.-Y.-Tokyo, 1991; A. Touraine. *Critique de la modernite*. P., 1992; Z. Bauman. *Intimations of Postmodernity*. L., 1992; B. Smart. *Modern Conditions, Postmodern Controversies*. L.-N.-Y., 1992; idem. *Post-modernity*. L.-N.-Y., 1996; P. Drucker. *Post-Capitalist Society*. N.-Y., 1993; idem. *The New Realities*. N.-Y., 1996; S. Crook, J. Pakulski, M. Watters. *Postmodernisation. Change in Advanced Society*. L., 1993; A. Callinicos. *Against Postmodernism. A Marxist Critique*. Cambridge, 1994; Z. Bauman. *Intimations of Postmodernity*. L.-N.-Y., 1994; D. Lyon. *Postmodernity*. Minneapolis, 1994; K. Kumar. *From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World*. Oxford (UK)-Cambridge (Ma.), 1995; H. de Santis. *Beyond Progress. An Interpretive Odyssey to the Future*. Chicago-L., 1996; R. Inglehart. *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton, 1997. См. также А. Неклесса. *Конец цивилизации, или Зигзаг истории*. — *Знамя*. 1998, №1; он же. *Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире*. — *Мировая экономика и международные отношения*. 1995, №8; он же. *Крах истории или контуры Нового мира?* — *Мировая экономика и международные отношения*. 1995, №12; он же. *Постсовременный мир в новой системе координат*. — *Восток*. 1997, №2; он же. *Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу*. — *Рубежи*. 1997, №5; он же. *Мир постмодерна, мир игры ломает горизонт истории*. — *Рубежи*. 1997, №8-9; он же. *«Российский проект» в системе мировых координат XXI века*. — *Проблемы развития*. 1998, №1-2; он же. *Эпилог истории*. — *Восток*. 1998, №5.
- ⁵ Горячий сторонник либеральных ценностей и в то же время фактический оппонент ряда неприглядных аспектов неолиберализма Ральф Дарендорф следующим образом формулирует принцип «экономического плюрализма»: «Было бы неправильно предполагать, что все мы движемся к одной конечной станции. Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как и культура языка или государственного устройства» (Р. Дарендорф. *После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе*. М., 1998, с. 86).
- ⁶ Сосуществование геоэкономических пространств способно рождать и весьма экзотичные схемы их взаимодействия. Например, в рамках сценария развития миро-

вого ресурсного кризиса. Действительно, на территориях Глубокого Юга параллельно с широким использованием, «индустриализацией» криминально-террористических технологий вполне вероятно организация масштабной и высокорентабельной (в краткосрочной перспективе) утилизации ранее созданного хозяйственного потенциала. Распространение же данного квазиэкономического стиля на переживающие кризис промышленные зоны способно на фоне их фактической деиндустриализации (снижающей спрос на сырье) параллельно создавать массовое «производство» дешевых вторичных ресурсов, тем самым ослабляя биосферную и сырьевую угрозу. Кроме того, при сверхприбыльном характере процесса растет интенсивность кредитно-денежных операций и расширяется сфера действия финансовых инструментов. При этом происходит как бы коллективное «проедание неприкосновенного запаса», истощение базовых механизмов воспроизводства цивилизации, первоначально за счет слабейших, дробящихся и дезаггированных членов глобального сообщества. В общем и целом, ситуация чем-то напоминает реалии эпохи первоначальной колонизации, но это, скорее, «автоколонизация», без претензий внешнего мира на прямое административное освоение соответствующих территорий. В результате в мировом хозяйстве прочерчивается контур инволюционной рециклизации совокупного цивилизационного ресурса, оказывая соответствующее воздействие на социальные и культурные институты.

- ⁷ «До конца XX столетия концепция истории уходила корнями в европейскую модель государственной политики, определявшейся националистическими ценностями и символикой. Наступающая эпоха будет во все большей мере характеризоваться азиатской моделью государственной политики, базирующейся на экономических ценностях, которые предполагают в качестве основного принципа использование знаний для получения максимальной выгоды» (Ш. Перес. *Новый Ближний Восток*. М., 1994, с.188).
- ⁸ Очевидно, что экономика того или иного макрорегиона не может ограничиваться одним и только одним видом экономической активности. Безусловно, в той или иной степени в каждом регионе соприкасаются практически все виды деятельности. Речь же идет о наличии у соответствующих «больших пространств» собственного оригинального геоэкономического кода, специфичного структурообразующего алгоритма построения хозяйственной практики, под воздействием которого и реализуется вся совокупность экономического организма, формируется его полнота. Иначе говоря, имеет место сочетание «внутреннего фермента» — некоего фундаментального конкурентного преимущества, определяющего, в конечном итоге, доминирующий стиль и способ производства (в том числе преимущественный источник прибавочного продукта, геоэкономических рентных платежей), — и всех остальных видов хозяйственной жизни общества. Таким образом, в каждом случае существует некая голографическая целостность экономической системы (равно как сохраняется и голографическое единство всей глобальной экономики), однако выстроенная каждый раз с иной последовательностью, стратегией и пропорциями.
- ⁹ Подробнее о концепции геоэкономической стратегии России см. А.И. Неклесса. *Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии*. М., 1997; он же. «Третий Рим» или «Третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России. — *Восток*. 1995, №1;

он же. Контурсы Нового мира и Россия (геоэкономический этюд). — Знамя. 1995, №11; он же. Геометрия экономики. — Мировая экономика и международные отношения. 1996, №10; он же. Гипер-Север: стратегия научно-технологической конверсии. — Рубежи. 1997, №3; он же. Геоэкономические горизонты России. — Россий-

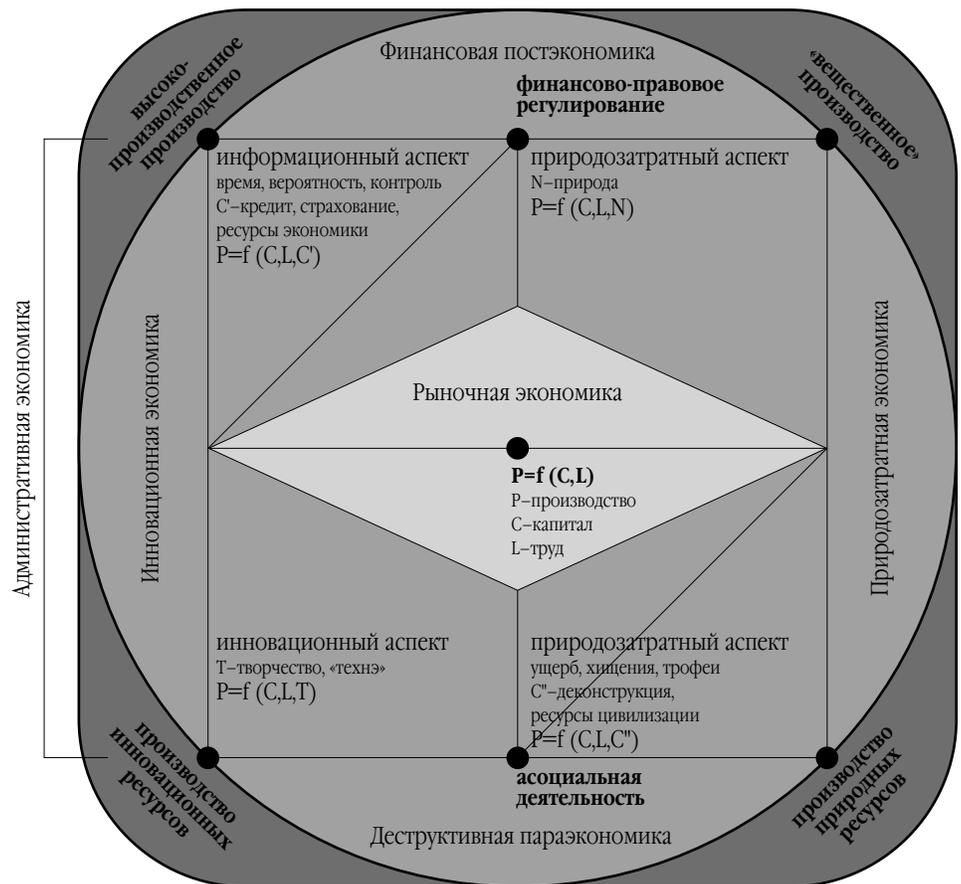
ское аналитическое обозрение. 1997, №5; он же. Геоэкономическая безопасность России в современном мире. — Рубежи. 1997, №10-11; он же. «Российский проект». — Мировая экономика и международные отношения. 1998, №6.

Приложение

Мировое разделение труда Север — Юг

Экоматрица

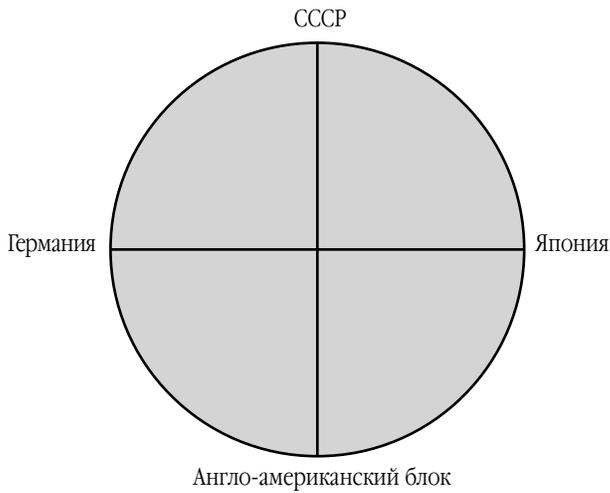

организационный (мобилизационный) аспект
G-регулирующий субъект, государство, социальный ресурс $P=f(C,L,G)$

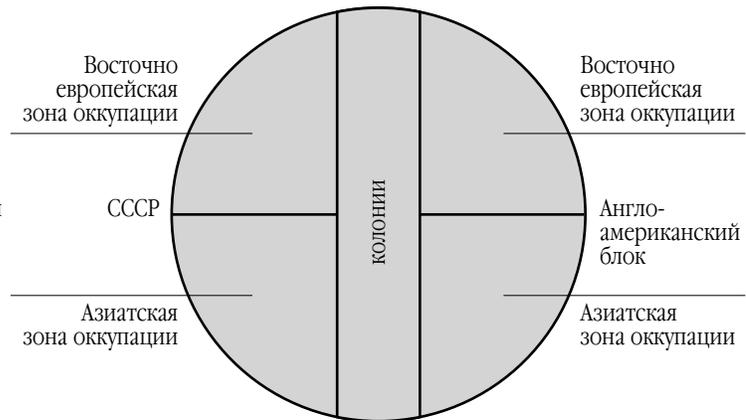
Социотопология

Геостратегические конфигурации

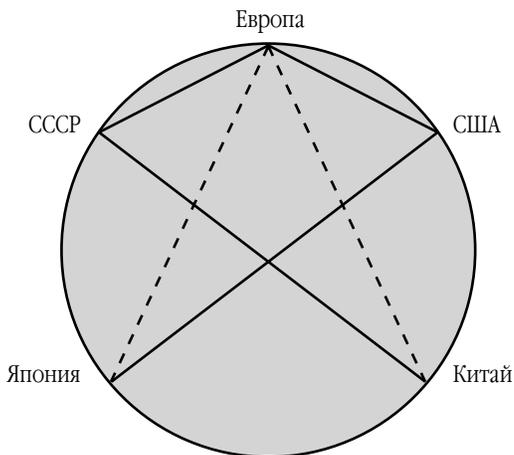
1. До II мировой войны

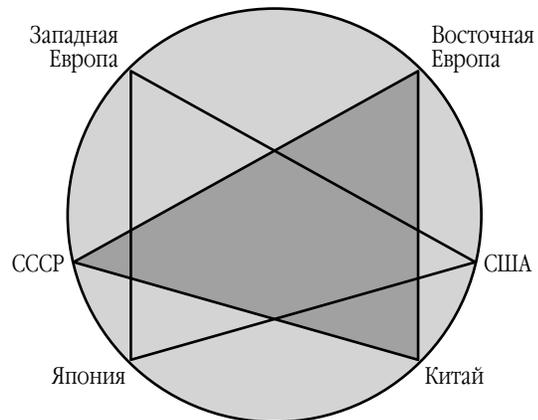
2. После II мировой войны

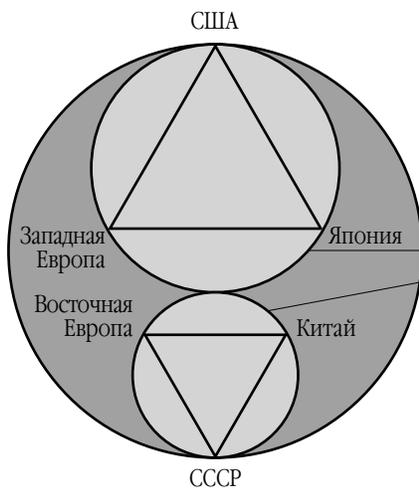
3. 40-е годы

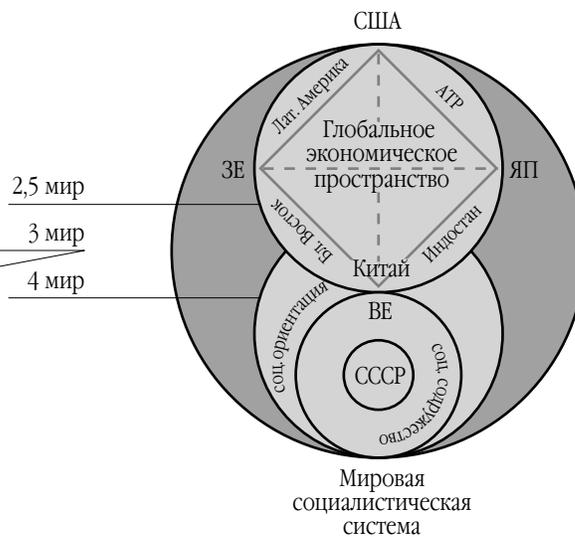
4. 50-е годы

5. 60-е годы

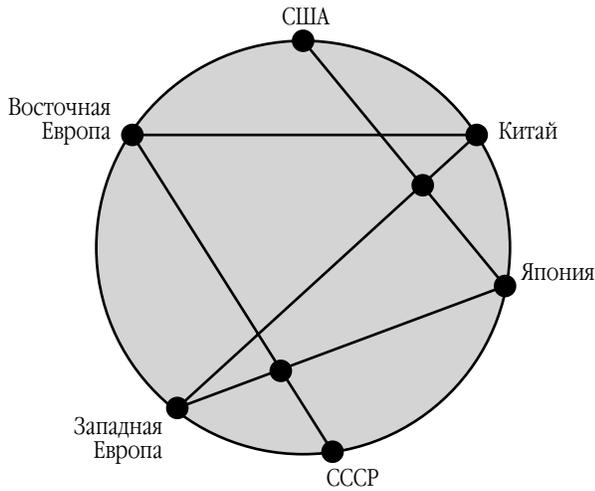
6. 70-е годы

2,5 мир
3 мир
4 мир

«Пакс Экономикана»: новое геоэкономическое мироустройство

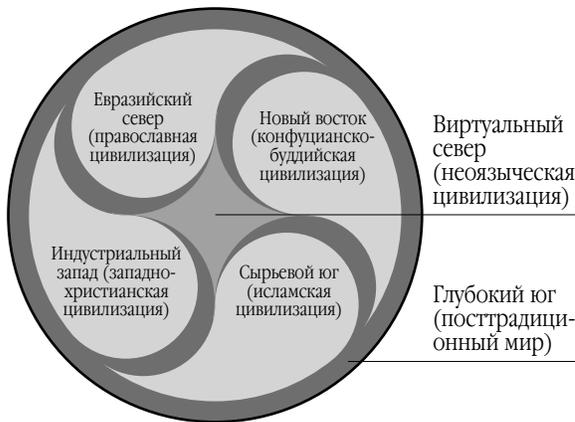
7. 80-е годы

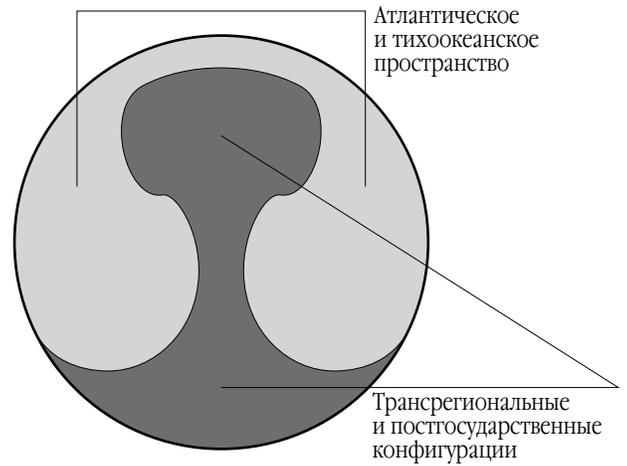
8. 90-е годы

9. XXI век

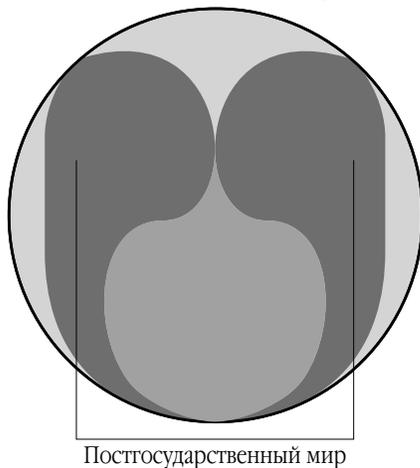

10. XXI век

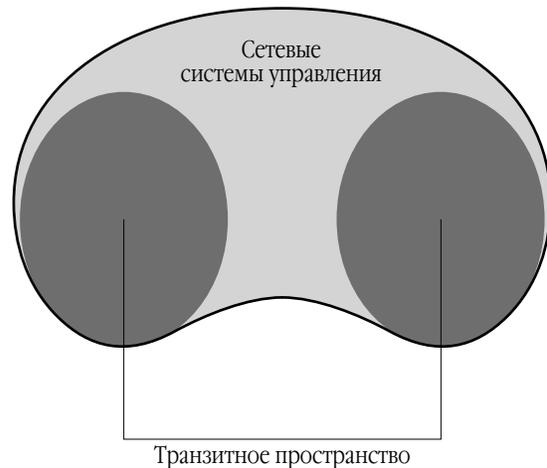
11. XXI век

Мобилизационные системы управления

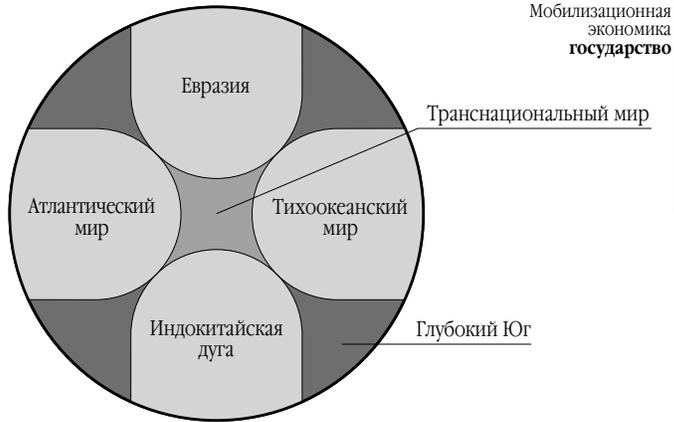

12. XXI век

Сетевые системы управления

Геополитический модуль

Геоэкономический модуль

